

Я – большой самоед

Валерий БАБЯТИНСКИЙ запомнился многим после телеспектакля "Портрет Дориана Грея" по Оскару Уайльду, где душевное старение молодого красавца сыграно столь убедительно, что не было нужды смотреть на обезображенный портрет. И до и после были биографии артиста теле- и кинороли, а также множество чтецких выступлений. Но главным для него всегда оставался театр – единственный в его жизни Малый, где Бабятинский играет сегодня интеллигента-мечтателя Гаева и профессора Серебрякова в чеховских "Вишневом саде" и "Дяде Ване", принципиального Правдина в "Недоросле" Д. Фонвизина и сказочного Советника в "Снежной королеве" Е. Шварца, великосветского графа Панина в "Хронике дворцового переворота" Г. Турчиной и водевильно-фарсового Телятева в "Бешеных деньгах" А. Островского.

15 июля артист отметил свое 60-летие.

– Валерий Константинович, в последнее время в актерской среде принято кочевать по сценам, антрепризам, телесериалам. Чем вызвано ваше постоянство, преданность Малому театру?

– Театр – это же не сценическая коробка, а прежде всего люди. И несмотря на порой несправедливо скептическое отношение к Малому театру, труппу здесь сохранили. При всех нареканиях, которые можно иногда услышать в адрес нашего руководства, даже от меня самого, это, на мой взгляд, очень большая заслуга Юрия Соломина. Кроме того, сохраняется уважительное отношение к классике, насколько это возможно в условиях рынка. Не хочу бросать в кого-то камень, но иногда бывает стыдно смотреть на хороших актеров, которые откровенно халтурят в насоро сделанных постановках, а уж участвовать в этом совсем не хочется. Конечно, жизнь сегодня всех заставляет все чаще заглядывать в бумажник. Но наше поколение шло в театр как в святилище, разговоры о том, кому сколько заплатят, считались просто неприличными. Я действительно всегда хранил верность Малому театру, правда, сейчас уже не очень уверен, правильно ли поступал. У меня было немало достаточно интересных и перспективных предложений в кино и на телевидении. Но я всегда "горел" на двух вещах: во-первых, ни один договор не подписывал, если в нем не было строки "в свободное от работы в театре время", а во-вторых, я был уверен, что меня должны как-то по-особенному принимать уже только потому, что я артист Малого. И вот я сорок лет в театре, вижу, как приходят актеры, не так уж много сделавшие, но популярные благодаря кино и телеработам, и отношение к ним другое. Вот тогда начинаешь думать: а что важнее в конечном итоге? Если отвечать честно, то не знаю – возможно, я ошибся. После фильмов "Путь к причалу" и особенно – "Двое в степи" режиссер Анатолий Эфрос мне сказал: "Валера, сейчас на тебя посыплются предложения, но ты выбирай". Вот я и довыбирался: остальные снимались, а я нет – такой был важный.

– Но у вас была и звездная роль на телевидении в "Портрете Дориана Грея". Насколько я знаю,

вы хотели вернуться к Уайльду уже в театре?

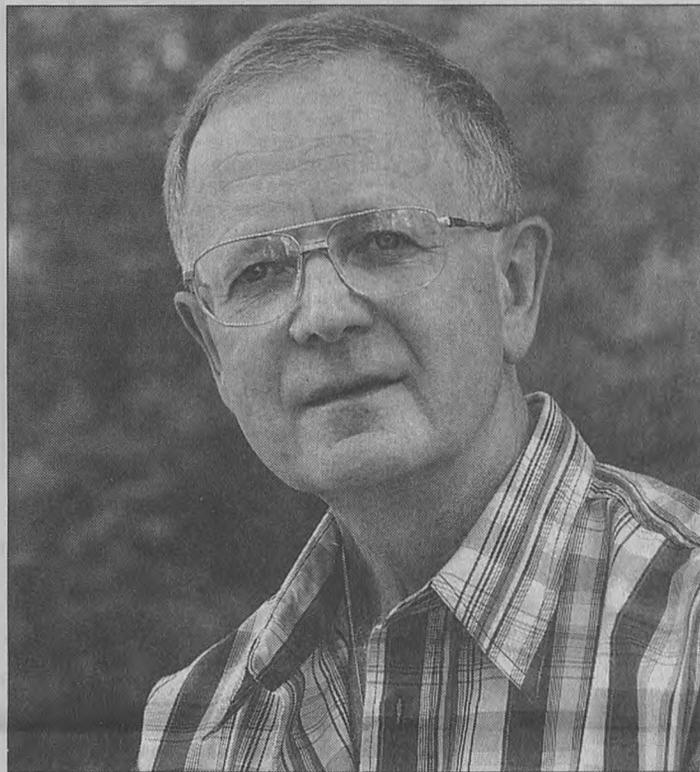
– Мы совсем не ожидали, что эта работа будет иметь такой резонанс. Мне кажется, фильм-опера "Игрок", где я играл Алексея, ничуть не хуже, а прошла почти незамеченной. Хотя вообще я самоед и не люблю смотреть свои работы, потому что всегда нахожу массу недостатков. Но, безусловно, "Портрет Дориана Грея" стал одной из ступенек в моей карьере и принес определенную популярность. Да и сам автор с его утонченным английским эстетизмом требовал работы не топором или рубанком, а скальпелем. Это сейчас в его произведениях акцентируют совсем другое, не являющееся предметом рассмотрения искусства. В театре же я хотел сделать вечер памяти Оскара Уайльда, который, помимо "Портрета Дориана Грея", включал бы еще несколько вещей в чтецком исполнении, но все это получалось слишком объемным.

– И больше вы к режиссуре не обращались, хотя актерские постановки в традициях Малого?

– Я попробовал поставить "Стакан воды" Скриба. Наверное, это могло бы получиться: актеры работали неплохо. Но я видел старый спектакль с корифеями и помнил, какие они плели кружева, потому мне казалось, что вместо тонкой ручной работы теперь предлагается нейлоновый гипюр. К тому же в период репетиций я разбился на машине, так что все сошло на нет. А вообще, конечно, это совсем другая профессия. Я сейчас преподаю актерское мастерство и понимаю, как трудно подобрать к артисту, объяснить ему на первый взгляд простые вещи.

– У вас сегодня в репертуаре много ролей, в том числе в спектаклях, идущих по многу лет. Что вы делаете для того, чтобы не заскучать от повторения?

– Но вы же каждый день завтракаете, пьете кофе. Однако в зависимости от того, как себя чувствуете, расстроены чем-то или ждете желанного звонка – этот кофе для вас всегда разный. От актерского самочувствия тоже очень многое зависит, потому у каждого спектакля своя энергетика. Ведь для того, чтобы заплакать в финале "Вишневого сада", я каждый раз набираю что-то новое, подхожу к этому состоянию.

В. Бабятинский

– Ваш Гаев – романтик, некий повзрослевший Петя Трофимов, каким вы его играли прежде. К тому же эта работа – ввод в уже идущий спектакль. Насколько сложной для вас войти в чужой рисунок роли?

– Я ужасно дисциплинированный человек и всегда боюсь сломать существующую мизансцену, чем-то помешать партнеру, но тогда мы хотели сыграть про выброшенных людей, про интеллигенцию, вытесненную хамьем.

– И ваш Серебряков из "Дяди Вани" не ворчливый зануда и пустой болтун, а человек действительно тонкий и интеллигентный.

– Мне интересны люди такого склада. Возможно, это идет от воспитания. У нас семья была очень строгая. Отец – военный, мама – педагог. Моя первая и самая любимая книга – "Евгений Онегин". А сейчас я не знаю, что говорить детям, как их воспитывать, ведь сегодня надо учить думать только о себе, грабить, воровать, для того чтобы выжить, но сказать такое своему ребенку язык не поворачивается. Поэтому хорошо уже то, что дочь знает, что такая Цветаева, и этим мое влияние ограничивается, а как-то адаптироваться пусть сама жизнь учит.

– В вашем восприятии реальности преобладает драматическое, исследовательское начало или есть и что-то "вахтанговское", праздничное вопреки всему?

– Я, конечно, мало верю во всякие средневековые глупости, но, наверное, какое-то влияние оказывает и то, что я по гороскопу рак, и то, что во мне много кровей перемеша-

но: русская, украинская, польская, венгерская, болгарская. Я люблю устраивать праздники, дарить подарки, делать сюрпризы, разыгрывать. Но вместе с тем и тот анализ, о котором вы говорите, во мне тоже присутствует: я все обдумываю, просчитываю, но в итоге обязательно вляпываюсь.

– Вы пришли в Малый театр после вахтанговской школы и чувствовали себя "чужаком", ушло ли сейчас это ощущение?

– Да, я был пришлым, к тому же очень вспыльчивым, но при этом уже сразу играл Чацкого в "Горе от ума", и меня называли по имени-отчеству. Конечно, это осложняло отношения. В то же время ко мне хорошо относились Б. Бабочкин, М. Царев, И. Ильинский, В. Обухова. Мне всегда везло на интересные встречи, но часто я сам был несправедлив к людям. При этом печать другой школы до сих пор существует. Хотя на первый взгляд кажется, что судьба моя складывалась празднично и легко, но это внешнее впечатление. Однако я бы ничего не поменял в своей жизни. Возможно, только выучил бы систему Станиславского еще в Щукинском училище, а не тогда, когда сам стал преподавать. И главное – остался бы у мамы, когда она во сне хрипела, – мне тогда объяснили, что под воздействием снотворного, и я уехал домой, а она уже умирала. Вот это каждый день меня мучает. А все остальное, все ошибки я бы так и оставил.

Беседу вела
Марина ГАЕВСКАЯ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Кубышева -- 2009 -- 18-24 июля -- 29